

DOI: 1022250/2072-8662.2017.1.49-55

Хаймурзина М.А.

Новые тенденции в официальных трактовках религии в КНР

Аннотация. В КНР официальная линия интерпретации религии сформирована в рамках марксистских воззрений, с помощью которых в последние десятилетия XX века обосновывали лишь негативное видение религии. Сегодня марксистские определения религии пересмотрены, считаются неполными, признана важность религии в решении множества социополитических и национальных проблем. С одной стороны, сохранение и защита религиозных традиций – эффективный метод совершенствования ценностных концепций общества. С другой, вопросы религии могут быть использованы против существующей политической системы и всего общественного уклада КНР. Защита свободы вероисповедания национальных меньшинств, недопущение национальных конфликтов, противодействие влиянию внешних и внутренних сил, стремящихся к эскалации национальных конфликтов – стратегические задачи КПК КНР. Власти КНР особо подчёркивают значение государственной идентичности, не допускают акцентирования национальной идентификации. В КНР появился термин – *четыре идентичности: идентификация родины, идентификация китайской нации, идентификация китайской культуры, идентификация социализма с китайской спецификой*. Целью кампании по просвещению в области *четырёх идентичностей* является усиление государственной идентификации граждан КНР как фундамента сосуществования всех в рамках единого государства.

Ключевые слова: КНР, политика, религия, теория отражения, теория опиума, национальность, идентичность

Marina A. Khaymurzina

New Tendencies in Official Interpretation of Religion in China

Abstract. In China official interpretation of religion is formed in the frame of Marxist views, which at the end of the 20th century substantiated just negative vision of religion. Nowadays Marxist definitions have been revised and reconsidered as incomplete. Political authorities understand the importance of religion in solving social, political and national problems. On the one hand, protection of religious traditions is an effective method for improvement of society moral values. On the other hand, religion can be used against Chinese current political and social system. So the strategic tasks of Communist party of China are to protect the religious freedom of national minorities, prevent national conflicts, and to confront external and internal enemies, which are aimed to escalate national conflicts. Today political authorities emphasize the importance of the state identity of every Chinese citizen. In contrast, they are opposed to national identity. There was born a new term called “four identities”. It means “identification of Motherland”, “identification of Chinese nation”, “identification of Chinese culture”, “identification of socialism with Chinese characteristics”. The elucidative campaign concerning the “four identities” is aimed to strengthen the state identification of every Chinese citizen. Religion is a base of the long-lasting and sustainable identification of every person in the society. But in case of nationalist and separatist manipulation religion can destroy all social and political identifications and lead to identity crisis. Therefore Chinese authorities find it very important to consolidate the state identification, which is the foundation of everybody’s co-existence within a single state. It means that people must be able to manage the problem of correlation between religious faith and state identification. In other words, every person in Chinese society must identify himself as Chinese citizen regardless of faith in a particular religion.

Key words: People’s Republic of China, politics, religion, reflection theory, opium theory, nationality, identity

Хаймурзина Марина Ахатовна – кандидат философских наук, переводчик международного отдела, доцент кафедры Китаеведения Амурского государственного университета; 670027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; mfaizova@yandex.ru

Marina A. Khaymurzina – PhD (Philosophy), Interpreter of International Office, Associate Professor at the Department of Chinese Studies, Amur State University; 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russia, 675027; mfaizova@yandex.ru

В Китае во второй половине XX века официальные трактовки религии, сформированные в рамках марксистской парадигмы, сводились к тому, что религия – проходящее явление, у которого есть свои корни, расцвет и увядание. Считалось, что религия изживает себя в процессе строительства социализма. История, однако, обнаружила обратное. Сегодня в Китае как на академическом, так и на политическом уровне преодолено узкое видение религии, понятие «религия» постоянно анализируется¹ и углубляется, признана важность религии в решении множества политических и национальных вопросов².

В рамках марксистской интерпретации, определяющей государственную линию толкования религии, сформированы две ключевые теории – *теория отражения* и *теория опиума*. Первая связана со знаменитым определением религии Энгельса: «*Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы принимают форму неземных*». Вторая связана со знаменитым марксистским утверждением, что «*религия есть опиум народа*» [Новые тенденции, 2013, 266–267].

Сегодня среди китайских учёных и аналитиков, стоящих на марксистских позициях, нет единого и однозначного мнения о сути и содержании данных теорий. *Теория отражения* – основа марксистской религиозной теории, классическое определение религии. Однако подобное осмысление религии, согласно современным исследованиям, представлено односторонне, с философской точки зрения. В данном определении религия предстаёт в качестве особой – религиозной – формы сознания, более того, религиозное сознание противопоставляется другим общественным формам сознания. Эта дефиниция религии не является исчерпывающей. В данной трактовке названо лишь одно из свойств религии – религиозные представления, теория определяет не религию как таковую, а лишь религиозные представления в качестве формы сознания. А отождествлять религию с религиозными представлениями, как утверждают китайские исследователи, не совсем корректно³ [Новые тенденции, 2013, 267].

Что касается *религии как опиума народа*, то это определение изначально позволило трактовать религию лишь с негативной точки зрения. Согласно представлениям последних десятилетий XX века, религия одурманивает и одурачивает людей⁴. Она оценивалась как тормоз общественного прогресса, но, с другой стороны, не отрицалась её «производительная роль», стимулирующая общественное развитие и проявляющаяся, например, в крестьянских восстаниях, а также и огромное влияние на историю развития литературы и искусства, поскольку религия выступает одним из важнейших проводников культуры [Новые тенденции, 2013, 267].

Отметим, что вследствие развития религиозоведческого знания в современном Китае уже никто не заикнулся на «опиуме» в его отрицательном значении. Знаменитую марксистскую характеристику религии трактуют с точки зрения социологии религии и в слове «опиум» усматривают смыслы, указывающие на важные социальные функции религии – управление обществом, психологическое успокоение, социализация личности, укрепление и сохранение идентичности [Ли Шэнь, 2006а, 33].

«*Религия – это сложный культурный феномен, появляющийся на определённом этапе развития общества*» [Новые тенденции, 2013, 58]. «*Религия – это социокультурная система*»⁵ [Новые тенденции, 2013, 63]. Такие определения религии представлены в книге «Новые тенденции в практике и теории национальных религий» издательства партийной школы ЦК КПК (2013 г.), где неоднократно подчёркивается пять особенностей религии – длительность, массовость, национальность, интернациональность, сложность. Отметим, что *теория пяти особенностей* религии была сформулирована ещё в 1958 году, позже послужила основой для разработки ряда документов, касающихся вопросов религии и национальности (например, Документ № 19 от 1982 г.), а в 1996 году положительно оценена отделом Единого фронта ЦК. К пяти перечисленным китайские исследователи предлагают добавить ещё одно свойство религии – культурность, полагая, что это будет отвечать реалиям современной религиозной ситуации в Китае [Новые тенденции, 2013, 142].

В одном из своих выступлений в 2006 году Ху Цзинтао подчеркнул: «Необходимо чётко понимать глубину исторических, социальных и психологических корней появления и существования религии. Необходимо осознавать объективную реальность длительного существования религии в социалистическом обществе, а также в полной мере уразуметь сложность взаимосвязей религии с такими факторами как политика, экономика, культура, национальность» [Новые тенденции, 2013, 64].

О связи религии и политики

Китайские исследователи считают, что в китайском языке нет аналога английскому слову «politics». Используемое для его перевода слово *чжэнчжи* следует понимать следующим образом: *чжэн* – общественные дела, *чжи* – управление. Таким образом, *чжэнчжи* – это управление общественными делами. С 80-х годов XX века в понятие *чжэнчжи* начинают вкладывать иной смысл. Политика становится продуктом и надстройкой классового общества, особым типом общественных отношений, действиями, связанными с захватом и удержанием политической власти определённым классом или группировкой с целью реализации своих экономических потребностей, а также действиями, продвигаемыми правящей политической партией или правительством и касающимися всех без исключения сфер общественной жизни. Именно это и определяет суть, специфику и внутреннее содержание современного понятия «политика» [Новые тенденции, 2013, 59].

Взаимосвязь политики и религии очень сложна, а в силу различия стран и исторических периодов – многообразна. Религия остаётся неотъемлемой частью жизни общества. В историческом контексте правящие структуры нередко прибегали к религии как средству управления настроением народа. В истории много примеров, когда религия использовалась оппозиционными структурами с целью противодействия действующей системе власти. В Средние века во многих государствах происходило слияние политики и религии. В некоторых религия признавалась в качестве государственной; религиозные правила являлись основой государственных законов, отсутствовала свобода вероисповедания, а также право на атеистические взгляды. В традиционном Китае чиновники и народ имели свободу религиозной веры, но в силу мощного влияния конфуцианства⁶ все прочие религиозные верования укладывались в рамки конфуцианской этики. В современном Китае народ обладает свободой вероисповедания, свободой выбора религии или отсутствия веры, что продиктовано международным фундаментальным правом гражданского общества.

Сегодня, говоря о связи религии и политики в Китае, имеют в виду взаимосвязи религии и общества, религии и политической системы, а также взаимосвязи между религиями внутри страны. На VI Пленуме ЦК КПК 16-го созыва (2006 г.) была определена необходимость гармонизации взаимосвязей правящей партии, национальностей, религии и социальных слоёв, религиозные связи были названы в числе пяти важнейших общественных отношений. 18 декабря 2007 года Ху Цзинтао высказался о важности религии и заявил, что чёткое понимание и регулирование религиозных вопросов, реальное решение всех религиозных проблем имеет прямое отношение ко всей партийной и государственной работе, касается вопросов стабильности общества и процесса строительства общества *сяокан*, а также развития социализма с китайской спецификой. В контексте современных тенденций полностью признаётся и понимается необходимость работы в этом направлении [Новые тенденции, 2013, 60].

Религиозная работа – составная часть партийной и государственной деятельности. С началом политики открытости, претерпев ошибки религиозной работы эпохи «левых», КПК КНР осознаёт, насколько общая ситуация в стране зависит от понимания и регулирования религиозных вопросов. С одной стороны, сохранение и защита культурных и религиозных традиций – эффективный метод совершенствования ценностных концепций общества, а с другой стороны, религия может стать дестабилизирующим фактором. Вопросы религии могут быть использованы против нынешней политической системы и всего общественного уклада КНР. Власти неоднократно заявляют, что сегодня имеется реальная угроза существующей религиозной ситуации в Китае – это политические замыслы внешних сил осуществить размежевание и европеизацию страны, используя вопросы национальности и религии.

В связи с этим, согласно законодательству КНР, религиозные организации и религиозная деятельность в Китае не пользуются иностранной поддержкой, придерживаются строгой автономности [Новые тенденции, 2013, 59–67].

О связи религии и национальности

«Национальность – это устойчивая общность людей, сформированная в результате длительного исторического процесса, отличающаяся особенностями языка, культуры, психологии, традиций, обычаев, образа жизни. В формировании и развитии многих национальностей важна роль религии» [Новые тенденции, 2013, 4].

Религиозные вопросы – это вопросы вероубеждений и религиозных представлений огромного сообщества. Верующие в Китае делятся на две большие группы – *ханьцы и национальные меньшинства*. Исторически сложилось так, что религиозные верования национальных меньшинств тесно переплелись с национальными вопросами. В связи с этим религиозные противоречия большинства национальных групп во многом определены национальными противоречиями, и наоборот.

Если рассматривать национальные меньшинства Китая с точки зрения религиозной набожности, то в этом они превосходят ханьцев. Действительно, в этой части китайского социума религиозные верования и религиозная культура играют очень важную роль. Религиозное сознание и религиозная психология влияют на национальное сознание и психику. Ревностное отношение к религии, религиозные убеждения, религиозная организация, ритуалы воздействуют на каждодневную жизнь людей, на нравственность и социальную политику, определяя их нормы. Религиозные ритуалы и обряды перемешались с национальными обычаями и нормами, став единым целым и сформировав важную составляющую национальной культуры. Поэтому защита свободы вероисповедания национальных меньшинств – одна из приоритетных задач политики КПК. В данном контексте, тем не менее, подчеркнём, что защита свободы вероисповедания не предполагает пропаганды религии как таковой, усиления её влияния на людей, более того, не говорит о религии вне юридических ограничений [Новые тенденции, 2013, 64].

Не секрет, что вопросы религии и национальностей нередко используются с целью раскольнических действий. Внешние и внутренние враги КПК КНР под лозунгом «национальность» осуществляют сепаратистские действия с целью размежевания страны. Они, апеллируя к представителям приграничных национальных меньшинств, намеренно провоцируют обострение отношений между национальными меньшинствами и ханьцами. Только за 2010 год в приграничных районах на почве «национальности» произошло четыре крупных столкновения с драками и дестабилизацией общественного порядка [Новые тенденции, 2013, 19–65].

Политические власти очень бдительны к тенденции расширения проблем, связанных с национальными религиями. Тот факт, что 71% национальных меньшинств КНР осуществляют самоуправление в рамках отдельных территориальных единиц, а все национальные автономные районы занимают 64% территории страны, приводит к мысли: религия – особый стратегический курс политической системы КНР [Новые тенденции, 2013, 7].

В связи с этим, КПК ведёт целенаправленную профилактическую работу по всем национальным и религиозным вопросам, противодействуя усилению влияния внешних и внутренних сил, стремящихся к эскалации национальных конфликтов. Предпочтение отдаётся «мягкой силе» противодействия. Например, среди населения страны (особенно крестьянского) осуществляется пропаганда идей материализма и атеизма. Используются все средства – радио, кино, телевидение, Интернет и др. Власти прекрасно осознают, что поддержание порядка силовыми методами не способствует длительному сохранению общественной стабильности. Такие методы могут сдерживать людей, но не изменят их национальных, религиозных представлений и чувств, более того, «жёсткая сила» способна обострить ситуацию. Поэтому в процессе поддержания стабильности политические власти делают акцент на усилении чувства принадлежности людей к единому государству [Новые тенденции, 2013, 55–90].

О связи религии и идентичности

Сегодня в политических кругах ратуют за развёртывание просвещения в области идентичности, подчёркивают роль и значение национальной и государственной

идентичностей. Эти типы идентификации относятся к разным уровням, но взаимосвязаны. *Национальная идентичность* – основа существования каждого внутри национальной группы. Такой тип самоидентификации проявляется в национальном сознании. *Государственная идентичность* превосходит национальную, является её надстройкой. Это наиболее высокий уровень идентификации, предполагающий осмысление того, что несколько национальностей формируют одно государство. Государственная идентичность проявляется в гражданском сознании, т.е. идентификация происходит на уровне государственной нации. В усилении пропаганды и просвещения, укреплении государственной идентичности видится залог дальнейшего экономического и социального развития КНР [Новые тенденции, 2013, 6].

В политической науке КНР появился термин – четыре идентичности: идентификация родины, идентификация китайской нации, *идентификация китайской культуры*, *идентификация социализма с китайской спецификой*. Кампания усиления *четырёх идентичностей* представляет собой распространение информации в массах и среди чиновников о четырёх идентичностях, доводя её до осознания на уровне каждой отдельной личности. Целью кампании является укрепление государственной идентификации [Новые тенденции, 2013, 37].

Идентификация родины – понимание того, что все национальности проживают на единой, неделимой территории, цель – объединение всех национальностей в рамках одного государства.

Идентификация китайской нации. Китайская нация *чжунхуа миньцзу*⁷ – наименование общности людей, сформированной 56 национальностями, проживающими на территории Китая. Это национальная единица, сложившаяся в процессе длительного исторического синтеза отдельных национальностей. Китайская нация – понятие политическое, подчёркивающее неделимость многонационального государства. Идентификация китайской нации выступает основой консолидации и гармоничного сосуществования народов на территории Китая. Подчёркивается, что ханьцы неотделимы от национальных меньшинств, и наоборот.

Идентификация китайской культуры – осознание её богатства и вместе с тем особого вклада в неё каждой национальностью. Китайская культура – единое целое, состоящее из множества. Китайская культура – идейная основа для идентификации внутри многонационального государства.

Идентификация социализма с китайской спецификой. Социализм с китайской спецификой – общее дело всех народов государства. Консолидация национальностей – главная составляющая в строительстве социализма с китайской спецификой.

Говоря о религии и идентичности, отметим сложность взаимосвязи этих явлений. С одной стороны, религия как ядро культуры и традиций является стабилизирующим фактором, обеспечивающим долговременность и стабильность идентификации каждого в обществе, в этом смысле особо сильна историческая память народа. С другой стороны, в случаях умелого манипулирования националистами и сепаратистами религия способна разрушить сложившиеся социально-политические идентификации, привести к кризису идентичностей. Вот почему сегодня для политической власти КНР так важно сформировать фундамент сосуществования всех в рамках единого государства – государственную идентификацию. Она предполагает способность людей регулировать вопрос религиозной веры и государственной идентичности, т.е. вне зависимости от вероисповедания той или иной религии признавать себя гражданами КНР. В связи с этим существует установка не допускать акцентирования на национальной идентификации, например, ханьской идентичности или любой другой локальной национальности, поскольку национальное сознание любой национальности способно «взлететь» до проявления ультра национализма, что может привести к разрушению единой нации. Действительно, идеи типа «Религия превыше всего» или «Национальность превыше всего» ослабляют чувство государственной идентификации [Новые тенденции, 2013, 4].

Проблема государственной идентичности сегодня особенно остро стоит в регионах проживания национальных меньшинств. Например, среди мусульманского населения северо-западных регионов Китая по-прежнему присутствуют «три силы зла» (терроризм, экстремизм, сепаратизм), а на юго-западе Китая среди

буддийского монашества и верующих заметно влияние Далай-ламы. Христианство, как указывают китайские исследователи, тоже испытывает влияние, проникающее извне [Новые тенденции, 2013, 63].

Ослабление чувства государственной идентификации в целом характерно для времени начала «политики открытости». Общественные трансформации, стремительное развитие экономики, столкновение ценностей разных культур повлияли на ценностную ориентацию и поведение целого поколения молодых людей, ослабило их политическую веру, привело к возникновению различных ситуативных идентичностей. В результате поколение людей с неустойчивой идентичностью стало огромным полем, способным воспринять внешнее разрушительное влияние. В этой связи кампания *четырёх идентичностей* направлена прежде всего на молодёжь, независимо от уровня её образования, призвана доступным и понятным для молодых категориальным аппаратом укрепить их чувство принадлежности к единому государству, единой нации, единой культуре [Новые тенденции, 2013, 4].

Преодолев опыт негативного отношения к религии, существовавшего в XX веке, сегодня Китай осознаёт важность религии в решении вопросов национальной и политической безопасности. Религия рассматривается в контексте прочных взаимосвязей с политическим курсом, проблемами национальных меньшинств и идентификацией граждан КНР. Задачей стратегического курса страны является обеспечение адекватного отношения к религии – обеспечение свободы вероисповедания, управление религиозными делами, просвещение с целью усилить идентификацию верующих и религиозных деятелей по отношению к родине, к китайской нации, к китайской культуре и к социализму с китайской спецификой. Все политические усилия направлены на то, чтобы сформировать структуру, позволяющую избегать фундаментальных столкновений между религиозными верованиями и государственной идентичностью, все религии должны служить делу общества, действовать во благо человека. Повсеместно позиционируются принципы равенства всех религий, толерантности, взаимоуважения верующих и неверующих, что в целом продиктовано духом толерантности и совместимости в традиционной культуре и мировоззрении Китая.

Библиографический список

1. Забияко, А.П. Интерпретация религии китайскими мыслителями в контексте развития религиоведения в КНР (вторая пол. XX – начало XXI вв.). Статья первая / А.П. Забияко, М.А. Хаймурзина // Религиоведение. – 2013. – № 2. – С. 64–74.
2. Забияко, А.П. Интерпретация религии китайскими мыслителями в контексте развития религиоведения в КНР (вторая половина XX – начало XXI вв.). Статья вторая / А.П. Забияко, М.А. Хаймурзина // Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 70–88.
3. Итоги китайского религиоведения за 30 лет: с 1978 по 2008 гг. / под ред. Чжо Синьпин. – Пекин: Изд-во Академии общественных наук КНР, 2008. – 419 с.
4. Ли Шэнь. Теория религии. Ч. 1 / Ли Шэнь. – Пекин: Изд-во Академии общественных наук КНР, 2006. – 399 с.
5. Ли Шэнь. Теория религии. Ч. 3. Социальные функции религии / Ли Шэнь. – Пекин: Изд-во Академии общественных наук КНР, 2006. – 376 с.
6. Люй Дацзи. Новая редакция к введению в религиоведение / Люй Дацзи. – Пекин: Изд-во Академии общественных наук КНР, 2010. – 705 с.
7. Новые тенденции в практике и теории национальных религий / под ред. Ван Хуайчжао. – Пекин: Изд-во партийной школы ЦК КПК, 2013. – 396 с.
8. Религия и национальность. Вып. 4 / под ред. Моу Чжунцзянь, Лю Юймин. – Пекин: Изд-во «Культура религии», 2006. – 442 с.
9. Хаймурзина, М.А. Интерпретация религиозных оснований конфуцианства в конфуцианской мысли и религиоведении Китая XX – начала XXI вв.: дисс. канд. филос. наук: 09.00.14 / М.А. Хаймурзина; АмГУ. – Благовещенск, 2014. – 180 с.

¹ Подробнее об эволюции в интерпретации религии в КНР см.: Забияко, А.П. Интерпретация религии китайскими мыслителями в контексте развития религиоведения в КНР (вторая пол. XX – начало XXI вв.). Статья первая / А.П. Забияко, М.А. Хаймурзина // Религиоведение. – 2013. – № 2. – С. 64–74; Забияко, А.П. Интерпретация религии китайскими мыслителями в контексте развития религиоведения в КНР (вторая половина XX – начало XXI вв.). Статья вторая / А.П. Забияко, М.А. Хаймурзина // Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 70–88.

² Например, о переосмыслении роли религии в социалистическом Китае см.: Гуань Юйкуань. Новые сдвиги в марксистских религиозных воззрениях // Религия и национальность. Вып. 4 / под ред. Моу Чжунцзянь, Лю Юймин. – Пекин: Изд-во «Культура религии», 2006. – С. 4–8.

³ Эта же мысль присутствует и во взглядах известного религиоведа конца XX в. Люй Дацзи. См.: Люй Дацзи. Новая редакция к введению в религиоведение / Люй Дацзи. – Пекин: Изд-во Академии общественных наук КНР, 2010. – С. 3–19.

⁴ В 80–90-х гг. XX в. такой точки зрения придерживались, например, Жэнь Цзюйю, религиовед, занимавший в то время пост директора Института мировых религий Академии общественных наук КНР, и Люй Дацзи, проводивший религиоведческие исследования при Институте мировых религий Академии общественных наук КНР. Подробнее см.: Хуан Куй. Современное исследование религии / Хуан Куй // Итоги китайского религиоведения за 30 лет: с 1978 по 2008 гг. – Пекин: Изд-во Академии общественных наук КНР, 2008. – С. 40–49.

⁵ Данное толкование религии сформулировано в рамках определения религии Люй Дацзи, оказавшего сильное влияние на развитие марксистских религиоведческих представлений в Китае. Подробнее см.: Люй Дацзи. Новая редакция к введению в религиоведение / Люй Дацзи. – Пекин: Изд-во Академии общественных наук КНР, 2010. – С. 41–66.

⁶ В указанном издании отмечено, что хотя конфуцианство официально не признано религией, тем не менее по своей просветительской роли оно выполняет социальные функции религии. См.: Новые тенденции в практике и теории национальных религий / под ред. Ван Хуайчжао. – Пекин: Изд-во партийной школы ЦК КПК, 2013. – С. 136. Подробнее о религиозных аспектах конфуцианства см.: Хаймурзина, М.А. Интерпретация религиозных оснований конфуцианства в конфуцианской мысли и религиоведении Китая XX – начала XXI вв.: дисс. канд. филос. наук: 09.00.14 / М.А. Хаймурзина; АмГУ. – Благовещенск, 2014. – 180 с.

⁷ Понятие *миньцзу* (民族) используется в двух смыслах. В широком смысле означает *нацию* (*чжунхуа миньцзу* 中华民族 – китайская нация), в узком – *национальность* (*шаошу миньцзу* 少数民族 – национальные меньшинства, *ушилю гэ миньцзу* 56个民族 – 56 национальностей). В 2005 г. Государственной комиссией КНР по национальным вопросам было принято решение заменить понятие *миньцзу* в узком смысле на термин *цзуюнь* 族群 – *этническая группа*, что соответствовало бы западной научной практике. В частности, предлагалось заменить понятие *национальные меньшинства* на *этнические меньшинства*, понятие *56 национальностей* на *56 этнических групп*, а также термин *национальная политика* на *этническую политику*. В 2008–2009 гг. опубликовано множество статей, осуждающих данное решение, выступающих против замены исторически сложившегося термина. Таким образом, к настоящему времени термин *этническая группа* ещё не прижился ни в академической, ни в политической науке КНР. См.: Новые тенденции в практике и теории национальных религий / под ред. Ван Хуайчжао. – Пекин: Изд-во партийной школы ЦК КПК, 2013. – С. 167–168.

References

1. Zabayako A.P., Khaymurzina M.A. *Religiovedenie* [Study of Religions]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2013, no. 2, pp. 64–74 (in Russian).
2. Zabayako A.P., Khaymurzina M.A. *Religiovedenie* [Study of Religions]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2013, no. 3, pp. 70–88 (in Russian).
3. *Results of Chinese Study of Religions for the Last Thirty Years: From 1978 to 2008*. Beijing: Shehui kexue chubanshe, 2010, 419 p. (in Chinese).
4. Li Shen. *The Theory of Religion*. Vol. 1. Beijing, Shehui kexue chubanshe, 2006, 399 p. (in Chinese).
5. Li Shen. *The Theory of Religion*. Vol. 3. Social Function of Religion. Beijing: Shehui kexue chubanshe, 2006, 376 p. (in Chinese).
6. Lyu Daji. *New Edition to Introduction of the Study of Religions*. Beijing: Shehui kexue chubanshe, 2010, 705 p. (in Chinese).
7. *New Tendencies in National Religions. Practice and Theory*. Comp. Wang Huaizhao. Beijing: Zhonggong zhongyang dangxiao chubanshe, 2013, 396 p. (in Chinese).
8. *Religion and Nationality*. Vol. 4. Comp. Mou Zhongjian, Lu Yuming. Beijing: Zongjiao wenhua chubanshe, 2006, 442 p. (in Chinese).
9. Khaymurzina M.A. *Interpretatsiya religioznykh osnovaniy konfutsianstva v konfutsianskoy mysli i religiovedeniy kitaya XX – nachala XXI veka. Diss. kand. filoz. nauk* [Interpretation of Confucianism Religious Grounds in Confucian Thought and Religion Studies of China at the Turn of the 20th and Early 21st centuries. Ph.D. Thesis in Philosophy]. AmGU: Blagoveshchensk, 2014, 180 p. (in Russian).